

Серия
«Антология мысли»

Н. П. Барсов

Очерки
русской исторической географии.
География начальной летописи

Книга доступна в электронной библиотечной системе
biblio-online.ru

Москва ■ Юрайт ■ 2019

УДК 930.2
ББК 63.3(2)4
Б26

Автор:

Барсов Николай Павлович (1839—1899) — российский историк, один из основоположников русской исторической географии.

Барсов, Н. П.

Б26 Очерки русской исторической географии. География начальной летописи / Н. П. Барсов. — М. : Издательство Юрайт, 2019. — 218 с. — (Серия : Антология мысли).

ISBN 978-5-534-06149-9

В труде российского историка, профессора и библиотекаря Н. П. Барсова дается описание географии начального периода русской истории (IX—XIV вв.) на основе важнейшего источника — Начальной летописи. Анализируя летописные данные, автор рассматривает особенности жизни славянских народов, их взаимодействие с соседями; характеризует отличительные черты территории проживания славян и значение различных географических объектов в социально-экономической сфере.

Для студентов высших учебных заведений и образовательных учреждений среднего профессионального образования, обучающихся по историческим направлениям, аспирантов, преподавателей и всех интересующихся.

УДК 930.2
ББК 63.3(2)4

Оглавление

Предисловие автора.....	6
Глава 1	7
Глава 2	27
Глава 3	35
Глава 4	51
Глава 5	67
Глава 6	87
Глава 7	102
Глава 8	121
Примечания	143
Новые издания по дисциплине «История» и смежным дисциплинам.....	207

Предисловие автора

Труд, предлагаемый теперь на суд читателей, имел целью не полное и всестороннее изложение исторической географии Руси в эпоху, обнимаемую Начальной летописью, но главным образом разъяснение только тех вопросов этого обширного предмета, которые ставит сама летопись, и потому ограничивается разбором географического материала, который она представляет. Но и в этих размерах исполнение принятой нами задачи затруднялось прежде всего относительной скудостью несомненных, критически утвержденных данных, которые могли бы послужить прочным основанием при разъяснении географического кругозора и географических понятий летописца и при постановке в надлежащем свете сообщаемых им известий и указаний. Мы должны были пополнить этот недостаток, сопоставляя известия Начального летописца с известиями позднейших летописей и других письменных источников XII—XIV веков. При этом богатый материал, который надо ожидать для изучения вообще древнерусской географии и географии Начальной летописи, в частности, от местных археологических изысканий, оставался, к сожалению, предметом для нас мало доступным. Наконец, иного рода затруднения представляло обилие таких данных, которые сами требуют предварительной проверки и разработки. Между ними главное место принадлежит указаниям и свидетельствам современной географической номенклатуры, за которыми признается обыкновенно важное значение в вопросах исторической географии, но, собственно говоря, признается больше на веру, чем по сознательному и оправданному критикой убеждению. Мы уверены, что эти свидетельства и указания получат только тогда прочность и несомненность, когда будут проверены путем филологического изучения. Но, не смея основывать безусловно на них никаких положений и заключений, мы все-таки не считали себя вправе оставить их вовсе без внимания и старались собрать их возможно больше — в той надежде, что они могут быть не совсем бесполезны как материал для других более счастливых и более подготовленных исследователей.

Варшава, 6 (18) декабря 1873.

Н. Барсов

Глава 1

Начальная летопись как географический источник. Ее общий характер и затруднения, которые он представляет при исследовании ее географии. Мир, известный Начальной летописи. Перечень земель и народов: а) космографический отрывок из Георгия Амартола; б) вставка о западе и севере Европы. Пределы Иафетовой части. Варяжское море по понятиям Начальной летописи. Его положение и объем. Сходство представлений о нем начального летописца и мусульманских писателей того же времени. Восточно-европейская равнина. Угорские горы. Оковский Лес. Волок. Первое известие об Уральском хребте. Верх или Верхние земли. Низовская земля. Днепровские и другие горы; значение слова «гора». Внутренние горы восточной равнины по Начальной летописи. Значение рек для движения населения. Черноморский бассейн. Днепр. Связь его бассейна с бассейнами других рек. Реки балтийской полости. Направление Западной Двины по понятиям летописца. Пути из Двины: к Днепру, к Озерной области и к Поволжью. Воды южной части Озерной области. Связь их с Варяжским морем, Подвиньем и Поволжьем. Волжский бассейн. Водные сообщения в пределах верхнего Поволжья как возможные пути древнейшей славянской колонизации. Связь с Подесеньем, Озерной областью и Заволочьем. Заволоцкие пути.

Как у всех народов, и у нас первая отечественная летопись, обыкновенно приписываемая Нестору, составляет в то же время и первую отечественную географию. В ее простой и безыскусственный рассказ о событиях с отдаленнейших времен вошли существенным элементом известия о территории, где они совершались. При первом взгляде эти известия имеют вид совершенно случайных заметок, сделанных мимоходом в рассказе о том или другом событии. Но тем не менее при внимательном рассмотрении их они обнаруживают полноту и систематичность, какой, по-видимому, от них нельзя было бы ожидать. Отвлекая географические данные от событий, по поводу которых они упоминаются, и приводя их в естественный порядок, исследователь входит в особый мир географических понятий и представлений, который, разясняя одну из сторон мирозерцания народа в рассматриваемую эпоху, вместе с тем проливает свет на географические условия его исторического существования.

Самый характер нашей первой летописи ручается за то, что она передала с достаточной полнотой географические понятия и представления своего времени по крайней мере по отношению к той территории, на которой был призван жить и действовать русский народ. В том виде, в каком она дошла до нас, она возникла в начале XII века, в ту переходную эпоху, когда только что окончился «великий труд»,

по выражению Ярослава, первых князей — собрание восточно-славянских племен в одно государство, когда эти племена слились уже в единый народ под влиянием княжеской власти, церковных учреждений и возникавшего образования и когда едва только начинал утверждаться удельный порядок, впоследствии расчленивший молодое государство на независимые друг от друга княжения. Это было время преобладания идеи единства русской земли, выражавшейся и в политических отношениях, и в начинавшейся литературе. Местные областные интересы, развитые удельной жизнью Руси, еще молчали. Нестор оканчивал свой труд в то время, когда постановлением Любецкого сейма князь впервые признал наследственность уделов и тем упрочили их дальнейшее обособление, но когда утвержденный ими порядок принадлежал еще будущему. Как выражение народного самосознания Начальная летопись вся проникнута этой идеей единства, сознанием целостности русской земли. Она не ограничивается интересами какой-нибудь одной области уже тогда обширного государства, но заносит на свои страницы все, что можно было узнать из народного предания и немногих письменных источников о прошедших судьбах всего русского народа. Она чужда областной исключительности, и, если она останавливается чаще всего на Киеве, то только потому, что туда тяготели события, и там сильнее всего бился пульс русской исторической жизни. Ее рассказ обнимает все пространство Русского государства, и, следя за отношениями его к соседям, — весь известный тогда на Руси мир.

Впрочем, при рассмотрении ее как географического источника, открываются некоторые затруднения. Как известно, Начальная летопись есть не что иное, как летописный свод, составленный из отдельных сказаний, заметок, официальных документов и местных известий¹. Древнейший текст ее дошел до нас в так называемом Лаврентьевском списке, сделанном в 1377 году в Суздальском княжестве монахом Лаврентием. Из приписки, находящейся в нем под 1110 годом, видно, что рассказ о событиях до этого года писан игуменом Киевского Свято-Михайловского монастыря Сильвестром в 1116 году. Трудно решить, был ли игумен Сильвестр только переписчиком, или же вместе с тем и составителем всего свода, давшим ему ту редакцию, в какой он дошел до нас в многочисленных списках. Последнее вероятнее², хотя различие разных списков дает основание полагать, что позднейшие переписчики и компиляторы не довольствовались Сильвестровской редакцией свода и изменяли ее вставками и сокращениями. В основание его положены «повести временных лет», которые, судя по их заглавию³, должны были заключать в себе сказания о славянах до образования Русского государства, о призвании варягов, о первых киевских князьях. По всей вероятности «Повести» составляли первоначально цельное изложение и только впоследствии были разбиты по годам, дополнены и распространены отдельными сказаниями, местными известиями (Киево-монастырскими, Ростовскими, Новгородскими, Черниговскими) и извлечениями из греческих хронографов. Вследствие того в настоящее

время едва ли возможно определить не только первоначальный вид, но и самый объем их, кем именно из русских князей оканчивался рассказ о том, «кто в Киеве нача первее княжити и откуда русская земля стала есть». Также разнообразно и по содержанию и по характеру продолжение «Повестей» или, вернее сказать, другая часть Сильвестровского свода. Рядом с краткими погодными заметками мы имеем в нем подробное изложение событий в отдельных сказаниях, рассказы очевидцев и литературные памятники («Поучение Мономаха», его письмо к Олегу). Видно, что все это вошло в свод в своем первоначальном виде, что составитель вносил в него имевшиеся под рукой материалы целиком, располагая их в хронологическом порядке. В этой массе разнообразных и разьединенных фактов личность летописца теряется. Исследователь не имеет возможности судить ни о его подготовке, ни о средствах, которыми он располагал для своего труда. Этот важный пробел представляет значительные затруднения, между прочим, и для изучения летописной географии. Имея дело с летописным трудом одного человека, было бы возможно приурочить открывающийся в нем круг географических знаний к определенному времени и месту и отделить то, что летописец мог почерпнуть из народного предания и письменных источников, от того, что он знал по личным наблюдениям, что принадлежит собственно ему, тем самым с большей точностью восстановить географический кругозор времени, в которое он жил. Теперь же приходится иметь дело с разновременными географическими данными весьма продолжительной эпохи, обнимающей с лишком два с половиной столетия. Сверх того разновременные списки, в которых дошла до нас Начальная летопись, не одинаковы: в одних сообщаются факты, о которых умалчивают другие, или передается подробно то, что в других рассказано кратко. Никоновский, например, список гораздо полнее Лаврентьевского, а Татищевский свод так богат данными, не известными древнейшим из дошедших до нас списков, что именно это богатство навлекло на него подозрение в подлоге, подозрение, до сей поры еще не рассеянное, но в то же время и не оправданное исторической критикой⁴. Очевидно, что позднейшие переписчики передавали Сильвестровский свод — одни вполне, другие в сокращении, а компиляторы имели, может быть, под рукой и такие источники, каких не знал или оставил без внимания составитель первоначального свода. Все это заставляет нас иметь постоянно в виду все — даже позднейшие — списки Начальной летописи, не ограничиваясь одним только древнейшим Лаврентьевским, хотя и при этом необходимо будет обращаться за разъяснениями к свидетельствам позднейшего времени и придется во многом ограничиться одними предположениями и догадками.

Мир, известный Начальной летописи, может быть нанесен на нынешнюю географическую карту в следующих пределах: на севере границей его служит параллель от Уральского хребта к Невскому устью (приблизительно по 60° с. ш.), затем побережье Балтийского моря, южное побережье Немецкого моря и Британия; с запада океанические

берега Европы и частью Африки; на юге крайние страны, известные ей: в Африке — побережье Средиземного моря и течение Нила, в Азии — Аравия и Индия; на востоке — Бактрия, Каспийское море и Волга. Выработанное уже древними географами деление земли на части света Начальной летописи неизвестно. Она не знает ни Европы, ни Азии, ни Африки. Она делит известный ей мир по странам света, на восток — страны полуденные, полунощные и западные, причем в общих чертах восток должен соответствовать Азии, юг — Африке, запад и полунощье — Европе. Начиная рассказ свой разделением земли по потопе между сыновьями Ноя, «Повесть» дает при этом перечень областей и народов, поселившихся в каждом жребии. Внимательное рассмотрение связи, в которой стоит этот перечень к общему ходу летописного рассказа, приводит, однако, к мысли, что он внесен в «Повесть» позднее и что в ее первоначальной, для нас утраченной, редакции его могло и не быть.

Он не только не вызывается задачей «Повести», так ясно выраженной в заглавии, но и противоречит последовательности рассказа. Прежде всего, поражает то обстоятельство, что перечень исчисляет земли и народы, которые достались (яшася) Симу, Хаму и Иафету, тотчас по потопе, то есть именно в то время, когда, по словам «Повести», же «бысть язык един». Вслед за тем «Повесть» переходит к смешению языков, и снова говорит о разделении земли между Ноевыми сыновьями, но уже весьма кратко и просто, очевидно, с единственной целью связать происхождение славян с библейской этнографией. «По разрушении же столпа и по разделении язык, говорит она (Лавр., с. 3), прияша сынове Симови восточный страны, а Хамови сынове полуденныя страны, Иафетови же прияша запад и полунощный страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык Словенск от племени Иафетова, Норци, еже суть Словене». Очевидно, что эта заметка и предшествующий ей перечень исключают друг друга, причем или заметку, или перечень надо признать позднейшей вставкой и, конечно, скорее всего, подробный перечень, так как краткая заметка составляет естественный приступ «Повести» к рассказу — и без нее «Повесть», несмотря на перечень, все-таки не имела бы начала. Тем не менее нельзя отказать перечню в весьма раннем происхождении. Уже то одно обстоятельство, что он встречается почти во всех дошедших до нас списках Начальной летописи, дает повод думать, что он внесен в нее первым составителем свода, может быть, игуменом Сильвестром, а продолжение его, описание западной и особенно северо-восточной Европы, могло возникнуть не позже конца XI или начала XII века.

По своему происхождению и содержанию перечень земель и народов разделяется на две части. Исчисление восточных и полуденных стран и областей Балканского полуострова с некоторыми островами Архипелага и Ионического моря заимствовано у греческих хронографов, а сведения о западной и восточной Европе взяты из местных источников. В греческой исторической литературе сказание о делении

земли между сыновьями Ноя появляется в IV веке, и с того времени, говорит А. Л. Шлёцер: «сею сказкою, соединенною с вавилонском столпотворением, начинаются произведения всех греческих и латинских писателей истории, а за ними толпою следуют даже до XV столетия позднейшие восточные, западные и северные хронографы»⁵.

А. Л. Шлёцер не мог с полной уверенностью определить, у кого именно из византийских хронографов взят нашим летописцем этот географический отрывок, и полагал вероятным, что здесь Кедрин списывал Синкелла, а Нестор Кедрина⁶. Дословное сходство нашего летописного перечня с космографией хронографа IX века Георгия Амартолы дало, однако, основание считать ее первоначальным его источником, тем более, что этот хронограф был хорошо известен составителю летописного свода, который сделал из него и другие извлечения. Это открытие принадлежит г-ну Строеву⁷. Греческий космографический отрывок в исчислении земель ограничивается историческим миром времен Римской империи, удерживая номенклатуру классических географов. При этом он соблюдает естественный порядок расположения земель и ведет их перечень с юга на север и с востока на запад⁸. Только в исчислении полунощных и западных стран он отступает несколько от этого порядка: отнеся к ним южное побережье Черного моря от истоков Ефрата, он переходит к восточному и северному его берегам, называет здесь Колхиду, Воспор, Меотис, Деревы, Сарматию, Тавриду, Скифию и затем исчисляет области Балканского полуострова в порядке с севера на юг. Остальной Европы, как было замечено выше, он не знает. Этому сухому перечню дана — особенно в Начальной летописи — столь несовершенная редакция, что едва ли переписчики и читатели его могли составить себе ясное понятие о положении упоминаемых им земель и областей. Называя известную землю, он перечисляет и области, на которые она делилась, не указывая, однако, что они составляют только часть ее. Так мы видим в нем в одном ряду Аравию старейшую, Елмаис, Инд и и Аравию сильную; Египет и Фиваиду; Пелопонис и Аркадию. Мидия и Вавилония отнесены к востоку (к Азии), и вслед за тем в странах полунощных и западных (в Европе) показаны Мидия и река Тигр, отделяющая ее от Вавилонии. В ряду европейских земель мы видим малую и великую Армению, Пафлагонию, Галатию, часть Асийской страны, нарицаемую Ония (Ионию), тогда как европейские острова Сардани (Сардиния), Крит и Кипр упомянуты в Азии. Египет лежит в хамовой части, а река Геон, зовомая Нил, отчислена к «сущим ко востоком».

От известий греческого хронографа существенно отличаются сведения, сообщаемые космографической вставкой о восточной и западной Европе. Они не могли быть заимствованы у греческих хронографов, которые или не знают упоминаемых нашей летописью земель, или же, если и знают, то под другими названиями. Они, очевидно, почерпнуты из домашних, отечественных источников, что отразилось, между прочим, и на самом их изложении. Тогда как в греческом

отрывке мы имеем почти исключительно⁹ названия областей (большой частью провинций бывшей Римской империи), здесь говорится только о народах и племенах. При рассмотрении этой части перечня нельзя, однако, не заметить большой разницы между сведениями, предлагаемыми им о восточной и о западной Европе. Исчисление племен в восточной половине ее есть почти дословное повторение того исчисления их, которое не раз делает Начальная летопись в дальнейшем рассказе о славянах и об их иноподобных соседях¹⁰. Названия некоторых племен, которых не знает текст Начальной летописи, могли быть вставлены позднейшими переписчиками; но во всяком случае этой стороной перечень неотъемлемо примыкает вообще к летописной географии, объясняется и дополняется ею. Он представляет полную картину расселения племен по всему пространству Восточно-Европейской равнины в конце XI и в начале XII века¹¹. Между тем, говоря о западной Европе, летописец ограничивается ее побережьями и называет только племена, живущие вдоль берегов внутренних морей и Атлантического океана. Континентального населения ее он не знает. Это обстоятельство открывает самый источник сведений на Руси о западной Европе. По справедливому замечанию известного исследователя отечественной старины, И. Д. Беляева¹², они могли быть получены только от норманнов, которым, как известно, были близко знакомы европейские побережья, с VIII века посещаемые ими для торговли, а больше для грабежа и разбоев, но которые мало знали внутренние земли Европы, поднимаясь в глубину их весьма редко, по течению только значительнейших рек. Свое знакомство с западной Европой они передали русским, водворившись сперва в Новгороде, а затем в Киеве. Иного источника этих сведений не видно. Приписывать их нашим северо-западным торговым городам (Новгороду, Полоцку, Смоленску) нет основания, так как морская торговля Руси с западной Европой началась, может быть, только в XI веке, ограничиваясь первоначально ближайшим Балтийским морем. Еще яснее норманнское происхождение их выступает в описании так называемых водных путей «из варяг в греки» (Волховом, Ловатю, Днепром) и «в Хвалисы» (к Каспийскому морю Волгой). Эти пути, известные у норманнов под именем *austurweg*¹³, норманны узнали, без всякого сомнения, от восточных славян, которые могли пользоваться ими ранее своих мореходных соседей для внутренних сношений. Но поставить их в связь с морскими путями в Грецию, зная, что великим водным путем на востоке (Волхов, Ловать или Западная Двина и Днепр) и Варяжским морем с других сторон можно «идти до Рима, а из Рима по тому же морю к Царю-граду, а от Царя-града прити в Понт море, в не же течет Днепр река» (Лавр., с. 3), которым на юге оканчивается водный путь восточной равнины, — зная это могли только норманны. Сведения о западной Европе, занесенные ими на Русь, сложились в народное предание, и оттуда уже они вошли в летопись, которая получила их таким образом из вторых рук. Если бы летописец записал их по рассказам очевидцев, изложение их было бы полнее, обстоятель-

нее и, наверное, изобиловало бы подробностями, которыми вообще характеризуются рассказы бывалых людей.

Западные и полунощные страны, составившие часть Иафетову, на востоке и на юго-востоке примыкают к Симву пределу, а с севера, запада и юго-запада омываются морем, которому Начальная летопись дает общее название Варяжского¹⁴. Восточная граница идет от крайнего восточного пункта на Варяжском побережье к Поволжью, отделяя югру, пермь, черемису, мордву и мещеру, племена Иафетовой части, от болгар волжских и камских, область которых находится уже в Симвом пределе, и славянское племя вятичей (на Оке) от казар (на Дону и нижней Волге)¹⁵. С падением Хазарского царства (X век) и с утверждением русских в Тмутаракани восточные пределы Иафетовой части раздвинулись далее до Каспийского моря и Кавказских гор. Затем восточная граница переходит через Кавказские горы к верховьям Ефрата. Что касается границ с остальных трех сторон, то направление и очертание их открывается непосредственно из летописного перечня заселивших его народов; вместе с тем открывается и понимание летописцем положения и вида западной Европы. По Варяжскому морю, говорит он (Лавр., с. 2), сидят ляхи, пруссы и чудь; по тому же морю сидят варяги с одной стороны до Симва предела, с другой до земли Агнянски и до Волошьски. Затем, оставляя ляхов, прусов и чудь, очевидно, занимавших побережье, противоположное тому, на котором жила часть варягов до Агнянской земли¹⁶, он переходит к исчислению племен этого фетова колена, причем держится естественного порядка, в каком они заселяли, по его сведениям, варяжское побережье. «Афетово бо и то колено, говорит он, — Варязи¹⁷: Свей, Урмяне, Готе, Русь, Агняне, Галичане, Волхва, Римляне, Немци, Корлязи, Вендици, Фрягове и прочий» (Лавр., с. 2). Свей (свое), урмяне, и, весьма вероятно, русь приурочиваются к Скандинавии (шведы и норвежцы); готы — к Готланду, ибо Новгород рано завязал торговлю с этим островом, называвшемся Гочкым берегом, и уже в начале XI века готы (гъты, гты) имели постоянное пребывание в Новгороде и несли наравне с горожанами некоторые городские повинности¹⁸. Агнян (анъглян) следует, кажется, считать последним племенем на крайнем западе Варяжского побережья, которое здесь должно изменять отмеченное прежде летописцем направление по широте (с востока на запад) на меридиональное (с севера на юг): галичане и следующие за ними народы — именно те, которые, по показанию летописца, «приседят от запада к полуденю». Под именем галичан скрываются или жители испанской области Галиции, или, может быть, галлы или галаты, главное племя кельтов, от которых Варяжское море у восточных писателей XIV века получило свое другое название Галатского¹⁹; волхвы (волхва; Лавр., с. 2) обозначают общее население Италии, к которому принадлежат римляне, вендици (венециане) и фрягове (генуезцы)²⁰. Загадочные немцы, корлязи, которых Шлёцер считает за одно племя, могут быть единственным народом континента западной Европы, известным летописцу. Название

«немцы» с половины XI века начинает употребляться вообще для обозначения западноевропейского населения и вытесняет собой варягов. В корлязах же Круг предполагает племена, подчинившиеся каролингам²¹.

Таким образом, Варяжское море летописца, начинаясь на северо-востоке у Симова предела, близ волжских и камских болгар, тянется на запад до берегов Англии, отделяя здесь чудь, пруссов и ляхов от варяжских племен, затем у берегов Англии оно поворачивает на юг, охватывая берега Франции, Испании и Италии. Эти сведения дополняются несколько описанием водного варяжского пути. Из него видно, что летописцу была известна связь Средиземного моря с Черным. Его Варяжское море на юге отделяет Иафетову часть от Хамова предела, ближайшим пунктом к которому он называет Рим; и затем близ Царяграда оно сливается с Понетским, или Русским морем. Но где начало Средиземного моря, где Варяжское побережье переменяет снова меридиональное направление на направление по широте, — летопись не указывает. В рассмотренном выше греческом космографическом отрывке крайней западной областью в Хамовом пределе названа Мавритания; против нее, следовательно в Иафетовой части, лежит Гадир. Этим только и определяется отчасти пункт поворота варяжского побережья летописи на восток.

Таковы очертания европейского побережья по понятиям летописца. Вообще они близки к истине. Только Балтийскому морю в связи с Немецким он, очевидно, дает неправильное положение. Доводя его на восток до Симова предела, он в то же время дает течению Западной Двины, которая берет начало вместе с Волгой и Днепром из Оковского Леса, северное направление и таким образом заставляет впадать в Балтийское море не с востока, а с юга²²; но при этом должно измениться и положение Скандинавского полуострова, как справедливо заметил г-н Соловьев. «Скандинавский полуостров, — говорит этот наблюдательный историк России, — мы должны положить поперек; Балтийское (Варяжское) море будет находиться на север от русских владений, составляет одно целое с немецким; это будет огромный рукав Атлантического океана, совершенно в виде Средиземного моря, причем северный скандинавский берег (Варяжского) моря будет соответствовать европейскому берегу Средиземного; южный берег Варяжского — африканскому берегу Средиземного; следовательно, Скандинавский перешеек, подобно Суецкому, должен находиться на востоке, около Уральских гор, соприкасаться с частью Симовой»²³. Такое же положение имеет Варяжское море отчасти у западных писателей XI—XII веков²⁴, но более всего у восточных географов, и если последние не придают ему такого широкого значения, как наш летописец, приурочивая его собственно к Балтийскому морю в связи с немецким²⁵, то от этого несколько не изменится сущность дела. Абур-Риган Бируни и Хорезми, писавшие об Индии незадолго до составления нашей летописи (в 1030 году), говорят, что море, которое греки называли Океаном, у берегов Саклабы (сла-

вянской земли) отделяет от себя канал или рукав, простирающийся до болгар, — мусульманского края, то есть до Поволжья и Камы. Этот залив называется Варяжским по имени народа, живущего на его берегах. От Болгарии он поворачивает на восток²⁶. То же известие, вслед за Абур-Риганом, повторяют Абульфедова география, Ибн-эль-Барди (в половине XIV века) и Ибн Шабиб, не называя, впрочем, Варяжского моря. Ибрагим-бен-Весифшах, живший в первой четверти XIII века, говорит о двух пресных морях, омывающих берега Славянской земли, из которых одно течет с севера на юг; другому же он дает направление с запада на восток; оно стоит в связи с третьим морем, прилегающим к области болгар²⁷, может быть, с Каспийским. Второе море бен-Весифшаха, несомненно, Варяжское. Астроном Насиред-дин из Туса (умер в 1274 году), упомянув о Варяжском море, подал своему комментатору Шерифу Джорджани повод к его описанию, которое совпадает отчасти с известием Бируни, с тем только различием, что Варяжское море Джорджани тянется на восток за непроходимыми горами и необитаемыми землями даже до границ Китая. Джорджани писал в начале XV века (1409 год). Но, по замечанию Френа, известия, сообщаемые им, могут быть отнесены и к XII—XIV векам²⁸. Такое представление господствовало у восточных писателей до конца XVI века.

Сходство показаний нашего летописца о положении Варяжского моря с известиями современных ему западных историков и восточных географов, с одной стороны, заставляет видеть в тексте летописи, на котором основано выше сделанное заключение, подлинные слова ее, а не описку или ошибку переписчика, как то можно было бы подумать, и объяснить их по их прямому смыслу и значению, а с другой — указывает на один общий источник, из которого черпали свои сведения как наш летописец, так и мусульманские писатели. Мы видели, что сведения о западной Европе и о водных путях с севера в Грецию получались на Руси от норманнов. От них же получили их и восточные географы: арабы узнали норманнов на юге, на побережьях Средиземного моря, и еще ранее (в IX веке) на востоке, на Волге, в Болгарии и Казарии, и в Персии.

Об устройстве поверхности известных ей земель Начальная летопись сообщает весьма немногое. Тут известия ее касаются исключительно Восточно-Европейской равнины, простирающейся от «Кавкаисинских²⁹ рекше Угорских» гор (Лавр., с. 265) и Чешского Леса (там же, с. 103) до Варяжского моря с одной стороны, Понта и Хвалиского моря (там же, с. 3) — с другой. Из того, что перечень племен, переходя к полуночным странам, прежде всего упоминает Угорские (Карпатские) горы, видно, что летописец понимал важное значение их как естественной границы славяно-русского мира на юго-западе. По высоте он называет их «великими» (Лавр., с. 10). Чешский Лес сделался известен русским во второй половине XI века, когда в 1076 году до него доходила дружина Мономаха в походе «ляхом в помощь на чехы» (Лавр., с. 85): «Ходив за Глоговы до Чешскаго Леса, говорит он в своем поучении

(там же, с. 103), ходив в земли их (чехов) 4 месяца»³⁰. Гораздо ранее должны были стать известными на Руси Кавказские горы, у подошвы которых с X века образовалось русское владение Тмутаракань. Летопись не упоминает их, но сношения русских князей с их населением — ясами и косогами, начавшиеся со времени Святослава, не допускают сомнения в том, что уже тогда возникло на Руси их название Яских гор, под которым они известны в позднейших памятниках. Как отличительную особенность восточной равнины летопись отметила на ней центральное плоскогорье, с которого в различных направлениях стекают главные реки равнины: на восток — Волга, на юг — Днепр; на север, к Варяжскому морю, — Двина (Лавр., с. 3). Она называет его Оковским (Воковским, Волоковским) Лесом. Цепь покрытых девственными лесами холмов, которая связует это плоскогорье с естественными границами равнины, Уральским хребтом (на востоке), Олонецкими горами (на северо-западе) и (на юго-западе) с Карпатами и которая составляет водораздел между бассейнами четырех окраинных морей равнины, была в глубокой древности известна под именем Волока и имела важное значение как естественная этнографическая граница разнообразных племен, населивших равнину. Следы этого древнего названия сохранились до сей поры в наименованиях живых урочищ и рукозданных местностей, которые тянутся непрерывной полосой от Авратынских гор на юго-востоке через Оковский Лес к Белоозеру и верхнему бассейну Северной Двины³¹. Впрочем, волоком обозначался преимущественно лесистый водораздел между северными притоками Волги (Молога, Шексна, Кострома, Унжа, Кама) с одной стороны и Озерной областью (Мста, Сясь с Тихвинской) и Беломорским бассейном — с другой. Вся обширная северная покатость на северо-восток от озера Онежского и на север от Белоозера, бассейн Онеги, Северной Двины, Мезени и Печоры уже в XI веке носила название Заволочья (1078 год; Лавр., с. 85), то есть страны, лежащей по ту сторону волока, и перечень племен обозначает финские народцы, жившие на этом пространстве, общим именем заволоцкой чуди³². В эпоху составления Начальной летописи русские (новгородцы) только что стали утверждаться в Заволочьи, и летописец имел о нем, как видно, весьма неясное представление. Он не знает ни одной из больших рек, пересекающих этот край, и первые сведения его об Уральском хребте, полученные им из Заволочья, от жившего там племени югры, имеют баснословный характер и служат несомненным доказательством, что русские не доходили еще тогда до Урала и знали о нем только по слухам, из вторых и третьих рук. Как увидим ниже, крайние поселения их в северо-восточном Заволочьи даже во второй четверти XII века не переходили за Мезень и оканчивались на Пинеге. Поэтому, сопоставляя известия Начальной летописи о Заволочьи с тем, что она говорит о положении Варяжского моря, нельзя не придти к тому заключению, что составитель ее представлял себе Заволочье узкой полосой между Поволжьем (Белоозеро) и Варяжским морем, побережье которого тянулось, не изменяя своего

направления, от устья озера Нево (Ладожского) к пределам волжских болгар и, упираясь где-то на крайнем севере в горный хребет, образывало залив: «Суть горы, так занесен в летопись рассказ Югры (Лавр., с. 107) — зайдуче луку моря, им же высота аки до небесе... Есть же путь до гор тех непроходим пропастьми снегом и лесом; тем же не доходим их всегда; есть же подаль и на полунощи».

Области, расположенные на центральной возвышенности, назывались, по отношению к Поднепровью и Поволжью, Верхними землями или Верхом. Как кажется, название это возникло первоначально на юге, по крайней мере впервые оно встречается в южнорусском известии о сборах Владимира Святославича на печенегов, о его походе в Новгород по «верховние (верхние) вои» (Лавр., с. 54). Для ближайшего определения пространства, которому придавалось это название, служат летописные известия XII века. Из них видно, что Верхними землями и Верхом назывались собственно Новгородская и Смоленская области (1147 год; Ипат., с. 36), и что им противопоставлялась тогда Русская земля (1148 год; Ипат., с. 39). В тесном смысле этого слова, то есть все течение Днепра вниз от верховьев Десны и от устьев Березины и Сожи, княжения Киевское, Черниговское и Переяславское. В то же время с развитием исторической жизни на севере все Поволжье вниз от Тверды стало называться по отношению к Верху Низом и Низовской землей. Так, в 1196 году Ярослав княжил «на Торжку в своей волости, и дани пойма по всему Върху и по Мсте и за Волоком възми дань» (Новг. I, с. 23). В 1131 году Мстислав с Низовцы ходил на Литву (Новг. IV, с. 4); в 1185 году великий князь Святослав Всеволодович из Карачева (в области верхней Десны) собирал «от верхних земель вои» (Ипат., с. 132). Из других возвышенностей Восточно-Европейской равнины в Начальной летописи упоминаются: на правом берегу Днепра — Киевская гора, на которой стоял Киев (Лавр., с. 4, 7, 9, 23, 73, 75), и близ нее Щекавица (там же, с. 4, 16), Хоревица (там же, с. 4) и Угорское (там же, с. 10)³³, названные в летописи холмами (там же, с. 31). Далее на юг от Киева — холм, нарицаемый Выдобичи (1096 год; Лавр., с. 99) в двух верстах от Печерского монастыря) и Вытечев (Вытечевский, Витчев) холм (1095 год; там же, с. 97); наконец, на восточной стороне Днепра, на Десне, под Черниговом — Болдины горы, на которых св. Антоний основал монастырь св. Богородицы (1074 год; там же, с. 83). Заметим здесь, что слово «гора» не имело тогда такого исключительного значения, как теперь. Горой назывался также берег, береговой путь и вообще сухопутье — смысл, который имеет это слово в Новгородском известии 1201 года о приходе варягов в Новгород «горою» на мир (Новг. I, с. 25), и, как кажется, в преданиях о пути Апостола Андрея из Корсуни в Новгород «по Днепру горе» (Лавр., с. 4) и Угров «мимо Киева горою» (там же, с. 10)³⁴.

Из обширных бассейнов равнины, вершины которых сходятся у Оковского Леса и примыкающих к нему волоков, в эпоху Начальной летописи первое место занимали западная часть бассейна Черномор-

ского, часть бассейна Балтийского на юг от Финского залива и Ладожского озера и Верхнее Поволжье. Это было место первоначального расселения восточных славян, и здесь главным образом совершались события, обусловившие возникновение и сложение Русского государства. На ход этого расселения и на направление событий могущественное влияние имели реки. В стране, покрытой девственными лесами и пересеченной болотами, они представляли если не единственные, то главные пути для движения населения и распространения в нем начал цивилизации. Населенные места группировались почти исключительно по их побережьям. С другой стороны, обилие лесов поддерживало в них половодие. Они были шире и глубже, и удобнее для судоходства, чем теперь, при их видимом обмелении; оно начиналось ближе к их истокам и производилось по многим побочным рекам, которые в настоящее время или пересохли, или обратились в болота. Таковы, между прочим, притоки Десны Снов, теперь болото Замглай и Востр (Остер), у самых истоков которых находят обломки больших судов³⁵. При половодии и пороги не представляли таких затруднений, как теперь. По крайней мере еще в XIII веке было свободное судоходство вверх и вниз по Днестру и был возможен взвод судов по порогам днепровским³⁶. Все это служило к значительному сокращению волоков и облегчало связь между населением различных бассейнов и колонизационное распространение славянства на северо-восток равнины. Из рек Черноморского бассейна, известных Начальной летописи, — Дунай (Лавр., с. 2, 4, 5, 27) с Моравой (там же, с. 3), Днестр (там же, с. 2, 5), Бог (Буг восточный или южный в «Поучении Мономаха», 104), Дон (там же, с. 104, 121), — более других имел значение Днепр и его система. Занимая своими разветвлениями пространство в 9500 кв. миль, Днепр послужил главным путем при расселении восточных славянских племен, вытесненных на северо-восток с берегов Дуная и частью осевших в его области, частью же перешедших в Озерную область, верхнее Поволжье и на Оку. По возникновении на северо-западе равнины Русского государства Днепр обусловил быстрое распространение его границ до этнографических пределов славянства, быстрое подчинение ему рассеянных славянских племен. Наконец, своим течением на юг к Понту он поставил Русь в связь с христианским Востоком и его цивилизацией. Этим объясняется, почему в Начальной летописи мы встречаем наиболее данных о его системе. В великом водном пути, соединявшем окраинные моря восточной равнины, Днепр составлял главное звено. Его вершины стояли в связи с одной стороны с Западной Двиной и через нее с Озерной областью, а с другой с Поволжьем. От первой он отделяется только 30-верстным волоком от Смоленска к Каспле и Касплинскому озеру, а от Волги волоком, который шел, по всей вероятности, от села Волочка к верховьям Волжского притока Вазузы (Ср. Ходаковский З. «Пути сообщения в древней Руси». М., 1837. С. 24). Сверх того южный приток Днепра Осма, на котором находятся без сомнения старинные поселения Ховрач, Гаврики (ср. Гаврики

на Каспле, о которых будет ниже, и Норманнские Hawrik в Англии, Havre в Нормандии), Городок, Рославль, подходит своими вершинами к Угре, притоку Оки в Дорогобужском и Юхновском уездах и таким образом связывает Поднепровье с Окской областью. Наконец, южные притоки, сближаясь с источниками Десны (в Ельнинском уезде), ставили верхний Днепр в непосредственную связь с Подесеньем. При таком выгодном расположении вершин Днепр был судоходен на всем своем течении, только в порогах (Лавр., с. 31) представляя значительные затруднения при спуске и взводе судов. Впрочем затруднения эти не были непреодолимы, как это видно из описания днепровского пути, сделанного Константином Порфирородным, и из наших отечественных известий, свидетельствующих о живом движении вниз и вверх по Днепру. Как пристани могут быть отмечены на этой реке: у Смоленска Смядин (1015 год; Лавр., с. 59), Любечь (882 год; там же, с. 10), Вышеград (Лавр., с. 25, 34, 53; Const. Porph. de Adm. Imp. Cap. 9); у Киева Угорское и устье ручья Почайны или Ручая (955 год; там же, с. 26), Треполь (1093 год; Лавр., с. 94, теперешнее Триполье при устье Стугны), в котором в XII веке были Водные ворота (1177 год; Ипат., с. 119), Витичев (в 57 верстах ниже Киева), о котором упоминает Константин Порфирородный (там же), Канев (Патерик Печерский в житии Феодосия), Хортичь остров (1103 год; Лавр., с. 118) и остров св. Елферия (945 год; там же, с. 22, теперешний Березань) на Днепровском лимане. Из речных урочищ на Днепре летопись называет Перунову рень ниже порогов (988 год; там же, с. 50) и Белобережье (945 год; там же, с. 22, 31), как называлось, кажется, вообще все побережье Днепровского и Бужского лимана. Из многочисленных притоков Днепра летопись знает Припять (с. 2, 3, 120) с притоком Гориной (1097 год; с. 112), Звиждень (1097 год; с. 111, Здвижь река), через Тетерев вливающаяся в Днепр, ручей Почайна или Ручай под Киевом (там же, с. 26, 50) со впадающим в него ручьем Сетомлей (1036 год; там же, с. 65), Лыбедь (там же, с. 4, 34, внешняя граница с юго-запада и запада киевского городского владения, впадает в Днепр несколько ниже Печерской крепости), Стугна (988 год; там же, с. 52, 94) и Рось (980 год; там же, с. 33, 65, 97, 103). Это — с правой стороны. С левой: Сож (Съжа; там же, с. 5) с Пищанью (984 год; там же, с. 34, теперешний Пещань ручей в Старобыховском уезде Могилевской губернии, берет начало в 6 верстах от Пропойска и в 79 от Могилева; течет на восток), Десну (там же, с. 2, 3, 26, 120) с Сеймом (там же, с. 3), Сновью (1067 год; с. 72, теперешний ручей или болото Замглай (см. выше прим. 35)) и Вестрюю (988 год; там же, с. 52, Въстрь; там же, с. 116), речку Радосын³⁷, которая вливается в Черторыю, проток, идущий из устья Десны в Днепр (против Угорского); Долобское озеро (1103 год; Лавр., с. 118; ср. там же, с. 143), сливающееся с Черторыей; Золотчу (там же, с. 117), небольшой ручей или, скорее, прибрежное проточное озеро несколько ниже Долобского озера, Трубеж (988 год; с. 52) с Льютой или А(о)льтой (1015 год; с. 55, 62), Супой («Поучение Мономаха», с. 103), Сулу (с. 3, 52, 103, 120) и (при-

токи Псела): Хорол («Поучение Мономаха», с. 103, 107), Голта³⁸ (Гольтва — в «Поучении Мономаха»; Гольтав — в Лавр., с. 103; 1111 год, Ипат., с. 2. 37) и проток Протольче ниже острова Хортицы (1103 год; Лавр., с. 118, на левом берегу Днепра). Как пути сообщения, наибольшее значение имели Припять, Сож и Десна. Припять связывала со средним Поднепровьем племена древлян, дреговичей и волынян и вершинами своими сближалась с западным Бугом и притоком Днестра, Серетом, то есть с Повислянской и Прикарпатской областями, а Сож и Десна с землями кривичей и вятичей, то есть с Верхним Поднепровьем и областью Оки. Через Сож шел путь в Поволжье, который в XII веке обозначался путем «на Радимиче» (1169 год; Ипат., с. 97). Он соединялся с путем, проходившим через верхнюю Десну, при посредстве или Ипути, или же другого притока Сожи, Остра, вершины которых сближаются с Десной. Десна вершинами притока своего Болвы подходит к Угре, а Снежатью (на северо-восток от Брянска) сближается с правым притоком Жиздры, Ресетой. Что именно по этим рекам шел подесенский путь из Поднепровья в область Оки и Москвы, могут подтверждать села Стайки и Стой на верховьях Болвы, Стайки на Ресете (в Жиздринском уезде); на Угре: Стайки (в Ельненском уезде верстах в 15 на восток от уездного города) близ верховьев Десны, и близ верховьев Болвы (в том же уезде) — Станы, Вскоды и пр., — названия, которые своим этимологическим значением могут указывать на пролежавшие здесь пути сообщения. Из событий XII века видно, что путь из Новгорода Северского в землю вятичей шел через Карачев, что на Снежати. Левые притоки Десны Сейм и Остер (Вострь) служили проводником для славянского населения Поднепровья и для христианской цивилизации на восток к области Дона, к кочевьям азиатских номадов.

Из рек Балтийского бассейна Начальная летопись называет Вислу (Лавр., с. 3), в которую впадают Сан с Вягром (1097 год; там же, с. 115) и Буг (Западный; там же, с. 3, 5, 63) с Нуром (1102 год; там же, с. 111), Двину (там же, с. 2, 3) с притоком Полотой (там же, с. 3), Ловать (там же), приток Шелони Судомер или Судому³⁹, на которой Брючислав Полоцкий был разбит Ярославом в 1021 году (там же, с. 63), Волхов (там же, с. 2, 3) с ручьем Пидьбой (Пидблянин 988 год; Новг. 111, с. 207), впадающий в озеро Нево (Ладожское), устье которого «внидет в море Варяжское» (Лавр., с. 3), Лугу и Мсту (947 год; там же, с. 25). Из них Двина и связанные озером Ильмерем (Лавр., с. 3), Ловать, Волхов и Мста входили в систему великого водного пути восточной равнины «из варяг в греки», по выражению летописи. Как мы уже видели, Начальная летопись имеет о положении Западной Двины неверное представление; из описания же Варяжского пути обнаруживается, что летописец, приняв ее северное направление, не знает, что она должна составлять неминуемое звено между Днепром и Ловатью в Озерной области, и между этими реками он полагает волок: «а верх Днепра волок до Ловати» (Лавр., с. 3). Поэтому только на основании поздней-

ших известий XII—XIII веков можно представить некоторые соображения об этой части Варяжского пути.

Относительно пути из Двины в Поднепровье мы находим в них указание, хотя и косвенное, на то, что он лежал именно по реке Каспле, о которой было говорено выше. По известию Новгородской (Первой) летописи (с. 24), в 1198 году князь Ярослав с новгородцами ходил войной из Новгорода на Полоцк, но полочане встретили его с поклоном на озере Каспле (Касопле) и заключили с ним мир. Известие это, очевидно, неверно, ибо озеро Каспле лежит на пути из Полоцка не в Новгород, а в Смоленск, и полочане могли встретить новгородцев только при устье реки Каспли, а не на озере Каспле, через которое эта река протекает. Но во всяком случае оно важно для нас как несомненное свидетельство того, что в Новгороде знали озеро Каспле как урочище, лежащее на обычном пути из Озерной области к югу. Селения по Каспле и ее южному притоку Выдре — Волоковая, Гаврики, Зарубинцы, Городок и др., сколько можно судить по их названиям, должны принадлежать к древнейшим на Руси. Что касается связи Западной Двины с Озерной областью, то она поддерживалась несколькими путями, сделавшимися известными весьма рано. По указаниям летописей, эти пути проходили через Еменец, город Лучин, село Дубровну в Торопецкой волости и Муравийну в Новгородской и через Торопец. О первом из них, через Еменец, говорит Новгородская летопись под 1185 годом (с. 19): «Поиде Давид к Полотъску с Новгородци и Смольняны, и умиривъшеса, воротишаса на Еменьци». Озеро Еменец и на нем село Еменец находятся в теперешнем Невельском уезде в девяти верстах к югу от уездного города. Оно лежит между верховьями Ловати и правыми притоками Двины, Оболи, сближающимися междусобой цепью озер и протоков. Еменецкий путь мог идти таким образом от устьев Оболи, несколько выше Полоцка, вверх по Оболи к озеру Езерищу, или Озерищу, из которого вытекает эта река и на котором остров Городище и древнее укрепление (XV век), оттуда волоком или к Еменцу и Одрову озеру, связанным с озером Еменцом, или прямо к озеру Еменцу, отстоящему от Езерища не более десяти верст; из Еменца рекой Еменкой в озеро Невель; из Невеля вверх по Еменке между озер Воротна и Череповицы к озеру Молосно и от Молосна к озеру Камшину, связанному с Ловатю, на которой в двух верстах ниже находится село Бродки. Этот путь мог служить только для непосредственных сношений между Новгородом и Полоцком. Им шел на Полоцк войной новгородский князь Мстислав Ростиславич в 1178 году (Ипат., с. 120). Другой путь лежал через город Лучин. О нем мы имеем указание в известии о поездке князя Рюрика Ростиславича из Новагорода в Смоленск в 1173 году, когда у этого князя на дороге в городе Лучине родился сын Михаил, которому он и отдал этот город (Ипат., с. 107). Лучин приурочивается к теперешнему селу Лучани на Лучанском озере, которое сближается с одной стороны с Западной Двиной, а с другой — с верховьями Полы, правого притока Ловати. В таком случае эта ветвь великого водного